

В следующее мгновение в глазах Шэнь Цинжаня потемнело. Он не успел разглядеть, как лежащее рядом одеяло взлетело и накрыло его с головой, и тем более не заметил движений Сюэ Фэйфэна. Когда он пришел в себя, то уже лежал прижатый к кровати, а его руки были заломлены за спину, словно у преступника.

Потрясенный, полный боли голос Сюэ Фэйфэна пробился сквозь ватное одеяло, и каждое слово тяжелым камнем падало в его сердце.

— Ты хочешь умереть?

В душе Шэнь Цинжаня промчался табун из десяти тысяч лошадей, оставив его в полном недоумении. Нет, я не хочу умирать, я просто хотел...

Сказать это было невозможно.

Сюэ Фэйфэн был уверен, что Шэнь Цинжань услышал их с тетушкой Чжан разговор. Когда у этого человека разыгрывается гордость, он часто совершает поступки, застающие врасплох — то и дело порывается покончить с собой или сбежать из дома. Если бы он обнаружил его хоть на шаг позже... Сюэ Фэйфэн зажмурился, не смея представить последствия.

Ему до одури хотелось пару раз хорошенько отшлепать его по заднице, чтобы Шэнь Цинжаню стало так больно, что он никуда не смог бы уйти и просто лежал в кровати, дожидаясь, пока Сюэ Фэйфэн сам не напоит его и не накормит.

Шэнь Цинжань дернулся, но ладонь Сюэ Фэйфэна, сжимавшая его, была подобна неприступной горе — не пошевелиться. В голове было совершенно пусто.

Неужели в конце концов ему придется столкнуться лицом к лицу с Сюэ Фэйфэном по поводу этого недоразумения с «беременностью»? Знай он заранее, ни за что не стал бы так сгущать краски!

Ситуация усложнилась до крайности. Шэнь Цинжань не знал, как с ней разобраться, а самое обидное — Сюэ Фэйфэн не произносил ни слова.

Немота реально мешала ему развернуться во всю мощь.

Шэнь Цинжань мысленно вздохнул. У других людей ссоры хотя бы могут идти по кругу: «Послушай меня, все не так» — «Я не слушаю, я не слушаю». А у него это было совершенно невозможно. Сюэ Фэйфэн молчит, сам он открыть рот не может, и остается лишь тихая, но не лишенная неловкости атмосфера.

В душе он поклялся, что при первой же возможности обязательно устроит Сюэ Фэйфэну нормальную ссору.

Спустя долгое время Сюэ Фэйфэн наконец заговорил, не ослабляя хватки, будто обращаясь к самому себе:

— Цинжань, если я скажу, что спокойно это принял, то явно солгу. Я узнал обо всем раньше, чем ты думаешь, и за это время серьезно все обдумал...

С этими словами Сюэ Фэйфэн выудил Шэнь Цинжаня из-под одеяла, посмотрел ему прямо в глаза и произнес:

— Мне плевать, чей это ребенок. Раз уж он от тебя — это дар небес. Пусть прошлое остается в прошлом. Спокойно рожай, и мы вместе его вырастим. Но если у тебя еще раз возникнет мысль свести счеты с жизнью или уйти... ты понесешь последствия.

Генерал посмотрел на невинный, ничего не понимающий вид Шэнь Цинжана, и ему не хватило слов — бросить жестокую угрозу он так и не смог.

Шэнь Цинжань своими глазами наблюдал, как Сюэ Фэйфэн на полном серьезе примеряет на себя зеленую шляпу рогоносца и даже находит в этом какое-то удовольствие. Его черные как смоль глаза лукаво сверкнули, и он вдруг встал на колени на кровати. Обхватив Сюэ Фэйфэна за шею с невероятно невинным видом, он сказал:

«Разве от укусов в губы беременеют?»

Сюэ Фэйфэн смотрел, как Шэнь Цинжань, словно любопытный ребенок, пододвигается ближе. Его взгляд задержался на чертах лица, и он пропустил то, что тот сказал по губам, на мгновение совершенно не уловив смысла:

— Что ты сказала?

«Оказывается, я беременен, — изобразив внезапное озарение, Шэнь Цинжань сам себе кивнул. — И то верно, моя матушка говорила, что если двое прижмутся друг к другу и поцелуются, то можно зачать малыша. А я целовался только с тобой».

Шэнь Цинжаню самому стало тошно от своего дурацкого тона, но он с непониманием спросил Сюэ Фэйфэна:

«Так почему же ты тогда сказал, что тебе все равно, чей это ребенок?»

Шэнь Цинжань мог практически воочию представить, как Сюэ Фэйфэн дюйм за дюймом превращается в камень. Он обиженно посмотрел на мужчину и даже попытался выдавить пару слезинок.

Сюэ Фэйфэна словно молнией поразило. Как будто ледяная буря с северо-западных пустошей пронеслась по нему, окунув в тысячефутовый лед, а он все еще стискивал зубы, пытаясь защитить крошечный огонек в сердце. И в мгновение ока вдруг наступила весна, земля расцвела яркими красками, а человек перед ним радостно смеялся и болтал. Но сам Сюэ Фэйфэн все еще застыл во льдах, и при каждом движении с него осыпались льдинки.

Шэнь Цинжань посмотрел на него: «Онемел?»

Сюэ Фэйфэн был не в состоянии соображать. Словно от удара током, он отстранился от Шэнь Цинжана. Лишь когда между ними появился приток свежего воздуха, Сюэ Фэйфэн заговорил и глупо переспросил:

— Ребенок не от Пань Юньшаня?

Да почему он все еще спрашивает, чей ребенок? Разве суть не в том, что я всеми силами намекаю на то, что вообще не беременен?! Шэнь Цинжань чуть в обморок не упал от злости на эту дубовую голову. Нельзя ли обратить внимание на главное?!

И кто такой этот Пань Юньшань? Когда он успел вписаться в сюжет? Шэнь Цинжань внезапно вспомнил, как последние несколько дней частенько тайком бегал к главной героине. Неужели

его так неправильно поняли?

Шэнь Цинжань ответил прямо:

«Я его ненавижу».

Сюэ Фэйфэн разделил его неприязнь:

— Держись от него подальше в будущем.

Пока Шэнь Цинжань томился в тревожном ожидании, мозг Сюэ Фэйфэна наконец-то медленно обработал пункт «нет беременности».

Шэнь Цинжань не беременна? Она сказала, что целовалась только с ним, а значит, о сомнительных связях с другими не могло быть и речи.

Сюэ Фэйфэн вспомнил невинную реакцию Шэнь Цинжана в тот день, и кончики его ушей внезапно покраснели.

Но ведь матушка Шэнь клятвенно заверяла всех вокруг, что Шэнь Цинжань ждет ребенка! Вспомнив ситуацию в тот момент, Сюэ Фэйфэн внезапно все понял.

Он же прекрасно знал, что Шэнь Цинжань привередлива в еде: если еда ей не по вкусу, она тут же ее выплевывает. Матушка Шэнь наверняка ошиблась, а Шэнь Цинжань, чтобы скрыть свою растущую разборчивость, поддакивал ей и кивал.

Сюэ Фэйфэн почувствовал толику тайной гордости — это он ее так избаловал.

Не беременна.

Целовалась только с ним.

Шэнь Цинжань принадлежит ему.

Эти три мысли снова и снова всплывали в его голове. Радость великого генерала в этот момент была способна перекрыть все разочарования от предательств на поле боя.

Кровь бурлила в жилах Сюэ Фэйфэна, меридианы прочистились. Ему казалось, что он может прямо сейчас броситься в бой и сокрушить вражеское логово. Состояние его ног, казалось, в одночасье вернулось к идеальному. Шэнь Цинжань действовал лучше любых лекарств.

Но стоило опустить голову — маленький немой все так же задирает свой острый подбородок, ожидая ответа на вопрос «почему ему все равно, чей ребенок».

Ему не все равно! Он чуть с ума не сошел от ревности. Эти лишённые рассудка слова Сюэ Фэйфэн так и не произнес, боясь напугать Шэнь Цинжана.

— Я ошибся. Ты не беременна, — произнес Сюэ Фэйфэн.

Шэнь Цинжань не собирался так просто его отпускать. Задав ему такую сложную задачу, не нанести ответный удар было бы преступлением против всех тех надуманных сценариев, что он строил все эти дни.

Он продолжал притворяться дурачком до конца:

«Почему не беременен? Мы ведь поцеловались?»

Скажите на милость, какой мужчина способен выдержать подобный допрос? У Сюэ Фэйфэна раскалывалась голова, лицо пылало, и он совершенно не знал, как это объяснить. Ему очень хотелось схватить матушку Шэнь, которая неизвестно куда переехала, и заставить ее отвечать на вопросы Шэнь Цинжана.

— От поцелуев не беременеют, — только и смог выдать Сюэ Фэйфэн.

«А? Но разве я не такой же, как Ли Юэвэй, у меня тоже...» — Шэнь Цинжань в душе радостно насвистывал. Какой же я находчивый, проблему с месячными ему все равно не решить, так пусть Сюэ Фэйфэн сам выкручивается.

За все свои двадцать с лишним лет Сюэ Фэйфэн и представить себе не мог, что ему придется ломать голову над таким вопросом:

— За один месяц ничего не увидишь.

Он заикался:

— Ты слишком переборчива в еде, мало ешь, здоровье у тебя слабое, не такое, как у других.

Ужасно боясь, что Шэнь Цинжань продолжит расспросы, Сюэ Фэйфэн поспешно сбежал.

Только выйдя за дверь, Сюэ Фэйфэн понял, что Шэнь Цинжань завел его в дебри. Самый главный вопрос остался без ответа: зачем Шэнь Цинжаню понадобилось резать вены?

Он вернулся обратно с холодным лицом.

Шэнь Цинжань снова нацепил на лицо растерянное выражение.

Опасаясь его шуточек, Сюэ Фэйфэн перешел сразу к делу:

— Зачем ты схватилась за кинжал?

Шэнь Цинжань даже бровью не повел и начал нести полнейшую околесицу с совершенно серьезным видом:

«Я как-то слышал от А Хуа по соседству, что если хочешь узнать, беременна ли, нужно сделать порез на запястье. Если кровь потечет двумя струйками, значит, в животе есть малыш. Это как когда лекарь щупает пульс».

У Сюэ Фэйфэна перехватило дыхание. Он боялся даже представить, чему его учили люди, жившие рядом. Неудивительно, что Шэнь Цинжань такой наивный и бесстрашный — никто не удосужился его нормально воспитать, вот он и стал таким.

В сердце Сюэ Фэйфэна Шэнь Цинжань тут же стал жалким маленьким существом, нуждающимся в заботе и наставлениях.

Шэнь Цинжань, боясь, что Сюэ Фэйфэн ему не поверит, сочинял на ходу:

«А Хуа боялась идти к врачу и тайком пользовалась этим способом. С тех пор я А Хуа больше не видел». — Вспомнив карликовую свинку А Хуа, которую в современной жизни держала его мама, и которая благополучно скончалась от старости, раскабанев до двухсот цзиней, Шэнь

Цинжань невольно вздохнул.

Сюэ Фэйфэн потрепал Шэнь Цинжана по волосам. Скорее всего, эта А Хуа не выдержала сплетен и решила покончить с собой. Шэнь Цинжань случайно это увидел, и она выдумала предлог, чтобы его успокоить.

Не желая ранить Шэнь Цинжана горькой правдой, Сюэ Фэйфэн сказал:

— Этот способ не работает, поэтому ей и было стыдно с тобой видаться. Не вздумай за ней повторять.

Шэнь Цинжань уставился на Сюэ Фэйфэна сияющими глазами:

«Правда? Так я беременен или нет?»

Да как они опять вернулись к этому вопросу?!

У Сюэ Фэйфэна голова разрывалась от боли. Наверное, в него вселился бес, раз он так свято поверил в беременность Шэнь Цинжана, не только истязая самого себя, но и оскорбляя его подозрениями.

— Пойду проверю, как там куриный бульон, — Сюэ Фэйфэн ретировался при первой же возможности.

Проводив Сюэ Фэйфэна взглядом и убедившись, что тот не вернется, Шэнь Цинжань наконец с облегчением выдохнул.

И почему я такой умный?

Он с удовольствием взял со стола очищенный кусочек сахарного тростника и с хрустом принялся его жевать. Сюэ Фэйфэн был так заботлив, что никогда не позволял ему грызть тростник с кожурой, боясь, что тот, будучи таким неженкой, сломает себе зубы.

Какой же я неженка, Сюэ Фэйфэн делает из мухи слона.

Тростник без кожуры теряет свою душу!

Впрочем, жевал он его с огромным аппетитом.

Жуя, Шэнь Цинжань размышлял над тем, как бы поскорее переехать в отдельную комнату. Месяц-два можно еще отговариваться плохим самочувствием и нерегулярным циклом, но в долгосрочной перспективе спать в разных комнатах гораздо надежнее.

Этот Сюэ Фэйфэн — удивительный человек: взял жену и просто смотрит на нее, почитая как божество. Если бы не сегодняшний разговор, Шэнь Цинжань бы уже решил, что человек, верящий в то, что «можно родить ребенка, просто накрывшись одним одеялом» — это сам Сюэ Фэйфэн.

В конце концов, Сюэ Фэйфэн не воспринимал его как жену. Изначально женился неохотно, дважды хотел разорвать помолвку, а теперь, живя вместе, между ними возникло подобие дружбы, потому он его и оберегает.

Героических устремлений много, а романтических чувств мало.

"Меня это полностью устраивает, ни капли не расстраиваюсь", — подумал Шэнь Цинжань.

Сюэ Фэйфэн налил пиалу куриного бульона, зачерпнул ложку, подул, чтобы остудить, и поднес ко рту Шэнь Цинжаня.

Он был слишком взбудоражен. Тучи, сгушавшиеся последние дни, разом рассеялись. Если он сейчас ничего не сделает, то не сможет уснуть всю ночь.

Шэнь Цинжань отвернулся и плотно сжал губы: не хочу, прямо как на послеродовом восстановлении.

Сюэ Фэйфэн взял его за подбородок и повернул лицо обратно. У него не было возможности высказать все свои чувства Шэнь Цинжаня, поэтому приходилось превращать слова в заботу. И Шэнь Цинжаню придется ее принять, хочет он того или нет.

Шэнь Цинжань не только отказывался есть, но еще и придрался: «Соли нет».

В последнее время он пережил слишком много потрясений: Пань Юньшань столкнул его в пруд, он был ошарашен новостью, что главная героиня так и не появилась, смирился с тем фактом, что фермер из него никудышный, а Сюэ Фэйфэн ошибочно принял его за беременного. События сыпались одно за другим — слишком много впечатлений.

Еще до наступления темноты Шэнь Цинжань зарылся в одеяло и уснул мертвым сном.

Сюэ Фэйфэн сидел на краю кровати, детально изучая взглядом его спящее лицо. Время словно замерло в этот момент. Лишь когда Шэнь Цинжань во сне отвернулся, оставив на обозрение лишь затылок, генерал отвел взгляд.

А затылок, вообще-то, тоже милый.

В шкафу лежало так и не пригодившееся средство для сохранения беременности. Сюэ Фэйфэн молча отнес его к очагу и сжег. Золотистое пламя взметнуло вверх сизый дым, а на печи грелся недопитый куриный бульон.

Взволнованный Великий генерал всю ночь колот дрова.

Ранним утром Шэнь Цинжань сладко потянулся и с корзинкой отправился на поле за овощами. Мелкая редиска, которую в прошлый раз украли Ли Чуньшэн и Цюшэн, уже немного подросла.

Вчерашнюю половину курицы они не стал варить целиком. Ошпарив ее в кипятке, чтобы снять пену и кровь, они отложил часть мяса — зимой в холода оно не так быстро портится.

В знак благодарности Шэнь Цинжань выдернул пару редисок, намереваясь сварить из оставшейся курицы суп, чтобы поддержать силы Сюэ Фэйфэна. Ведь он покупал курицу у тетушки Чжан именно для него, а получилось так, что сам съел больше всего.

Прошлой ночью в деревне Лицзяцунь произошел небольшой инцидент. Пань Юньшань неизвестно кому перешел дорогу: посреди ночи его вытащили из постели и засунули прямо в пруд, оставив торчать над водой только голову. Когда сегодня утром его нашли, лицо у него посинело от холода, и он едва не отдал богу душу.

Шэнь Цинжань с удовольствием выслушал сплетни от тетушки Чжан и подумал, что у этого Ли Дадао весьма крутой нрав.

Он-то изначально планировал устроить компостную яму в пруду рядом с домом семьи Пань, чтобы Пань Юньшань задохнулся от вони, но боялся случайно навредить его сестре. Раз уж кто-то отомстил за него, он был только рад, что не придется пачкать руки.

— Рот ему заткнули тряпкой, так что он даже крикнуть не мог. Какая жестокость!

— Это же покушение на жизнь Пань Юньшаня! Только пару дней назад переехал, и тут такое. Бедняга.

— А кому, кроме Ли Дадао, он мог насолить? Но Дадао вроде не настолько жесток!

Когда толпа зевак у рыбного пруда разошлась, Сюэ Фэйфэн, закинув мотыгу на плечо, «с трудом» нашел подходящую позу, соответствующую поведению калеки, и прорыл канаву на краю пруда, чтобы спустить воду.

Устье канавы он перегородил бамбуковой корзиной. Вода с шумом устремилась прочь, а рыба и креветки оставались в плетеной ловушке.

Сюэ Фэйфэн усмехнулся. С чего бы ему желать смерти Пань Юньшаню? Если тот умрет в пруду, как потом есть эту рыбу? Его «женушка» очень разборчива в еде.

В заброшенном пруду особо нечем было поживиться: в основном попадались мелкие караси и белые амуры размером с палец. Они живо трепыхались, покрывая дно корзины.

Сюэ Фэйфэн остался недоволен. Заметив в иле пускающих пузыри вьюнов, он попытался поймать одного, но тот скользким комком выскользнул из рук.

Вокруг никого не было, вся семья Пань находилась в доме, ухаживая за Пань Юньшанем. Сюэ Фэйфэн зачерпнул с берега горсть песка. Движение было молниеносным: он пустил в ход внутреннюю энергию. С легким свистом песок пронесся по воздуху, оглушив вьюнов, и они всплыли кверху брюхом на поверхность ила.

Сюэ Фэйфэн неспешно собирал их в бамбуковую корзину — это было так же просто, как собирать ракушки на песке.

Пожарит для Шэнь Цинжана сушеную рыбку.

А Шэнь Цинжань тем временем, что было для него беспрецедентно, убрался дома.

Повязав на голову платок и прикрыв нос так, что виднелись только глаза, Шэнь Цинжань переоделся в самую нелюбимую одежду в качестве рабочей униформы. Он вытаскивал и выбрасывал из комнаты первоначального владельца все грязные вещи и постельное белье.

Почти вся мебель заплесневела и провоняла, словно ее достали из преисподней. Раздосадованный Шэнь Цинжань взял топор, разрубил все непригодные для использования вещи и по частям вынес их наружу.

Его вид поразительно напоминал Сюэ Фэйфэна, спускающего воду из пруда. Та же разрушительная мощь.

К счастью, помимо еды и питья первоначальный владелец тела мало чем интересовался, поэтому вещей было немного. Шэнь Цинжань все же успел опустошить комнату до того, как свалился от усталости.

Остался только кан, который разобрать было невозможно.

Комната выходила на солнечную сторону. Шэнь Цинжань распахнул окна и двери, чтобы выветрить спертый запах, а затем поехал на ослике отвозить мусор на пустырь.

Именно такую картину и застал вернувшийся Сюэ Фэйфэн.

Все-таки Шэнь Цинжаню лучше быть немного ленивым. Стоит ему проявить усердие — и он тут же хочет разъехаться по разным комнатам.

Нахмурившись, Сюэ Фэйфэн ходил по пятам за Шэнь Цинжанем, наблюдая, как тот снует туда-сюда, расстилая постель на вымытом кане.

В комнате было светло и уютно. Он вспомнил, что в первые дни после замужества Шэнь Цинжаня окна здесь почти не открывались, в комнате вечно царил мрак. Он часто видел, как тот забирал туда еду — курицу, утку, фрукты — но ни разу не замечал, чтобы оттуда выносили очистки или кости.

— Устал? — Сюэ Фэйфэн с легкой болью в сердце посмотрел на потный лоб Шэнь Цинжаня. Хоть, строго говоря, тот сам напросился.

Шэнь Цинжань с улыбкой потерся о руку Сюэ Фэйфэна, вытирая капельку пота, норовившую скатиться в глаз. Его одежда и руки были в грязи, поэтому он осторожно прикоснулся только лбом, словно котенок, просящий ласки.

Сюэ Фэйфэн все утро копался в грязи, так что его одежда была немногим чище. На лице Шэнь Цинжаня тут же появилась черная полоса от сажи, делая его похожим на чумазого котенка.

Сюэ Фэйфэн замер. Он впервые переступил порог этой комнаты, но ему уже не хотелось уходить.

Однако он ходил за Шэнь Цинжанем по пятам целый час, но так и не придумал ни одного повода, чтобы его остановить. И в бешенстве ударил кулаком по стене.

Ночью Сюэ Фэйфэн, спавший целый месяц на полу, наконец-то смог вернуться на кровать и в полной мере прочувствовал, что значит «не сомкнуть глаз в одинокой постели».

На крыше тихо скрипнула черепица. Шаги пришельца были легки, словно прикосновение летучей мыши к окну. Сюэ Фэйфэн молниеносно переместился, схватил со стола длинный меч и прямо в ножнах метнул его в потолок.

С громким грохотом в крыше пробило дыру, и Чан Мин, смертельно побледнев, скатился вниз.

— Подчиненный признает свою вину!

Чан Мин подобрал осколок черепицы, обливаясь слезами. Они, подчиненные, никогда не входили в спальню хозяина. А сегодня он не просто проник внутрь, он пробил потолок!

Он величайший грешник!

И хотя было очевидно, что это хозяин напал первым, долг хорошего подчиненного — брать все промахи господина на себя.

— Я немедленно все починю.



— Запрещаю.

— А?.. — Неужели хозяин от счастья стать отцом совсем умом тронулся?

На следующий день, когда Сюэ Фэйфэн вышел из комнаты, Шэнь Цинжань тоже как раз встал, зевая.

Несмотря на такой шум прошлой ночью, Шэнь Цинжань даже не проснулся. Сюэ Фэйфэн невозмутимо открыл дверь своей комнаты, как бы невзначай демонстрируя, что жить в ней теперь невозможно.

Но Шэнь Цинжань, словно ослепнув, никуда не глядя, схватил таз и полотенце и пошел на кухню греть воду.

Сюэ Фэйфэн с неохотой последовал за ним. Он только собирался сказать все прямо, как его запястье крепко сжали. Шэнь Цинжань радостно потянул его за собой, указывая на саженец цинду (синего дудника) во дворе. Его лицо светилось от такого восторга, будто курица госпожи Цай прибежала прошлой ночью и снесла им десяток яиц.

Он дал ростки! Саженец цинду пустил новые почки!

Шэнь Цинжань сиял от радости, сам не до конца понимая, чему именно так радуется. Этот саженец был лекарством для Сюэ Фэйфэна, и ему казалось, что если он сможет его вырастить, то однажды и сам Сюэ Фэйфэн поправится.

У Сюэ Фэйфэна зародилась идея, и он, тщательно подбирая слова, произнес:

— Лекарь сказал, что для исцеления моих ног не хватает лишь одного снадобья — саженца цинду. Если использовать свежие ростки как лекарство, чтобы прочистить меридианы, то в будущем мне больше не понадобятся костыли.

Он боялся, что если его ноги заживут, и он сможет нормально ходить, то Шэнь Цинжань еще больше почувствует себя обузой, поэтому все не решался сказать правду. Но необъяснимый интерес Шэнь Цинжаня к этому саженцу навел его на мысль: почему бы не подыграть и не приписать заслугу ему?

Стоит только соврать, что Шэнь Цинжань оживил растение, перед которым опускали руки даже божественные лекари, и тот перестанет считать себя бесполезным. А сам Сюэ Фэйфэн под шумок избавится от костылей.

Говоря это, Сюэ Фэйфэн внимательно следил за реакцией Шэнь Цинжаня. Заметив, как улыбка сползла с его лица, он мысленно выругался. Слишком поспешил, надо было похромать еще пару месяцев.

Шэнь Цинжань уже не слышал голоса Сюэ Фэйфэна. В его голове прозвучал механический голос:

«Поздравляем! Вы разблокировали навык земледелия. Система обнаружила у вас выдающийся талант к фермерству. Через пять секунд к вам будет привязана Система Селекционной Станции... Пип...»

Двухмиллионный монументальный роман о фермерстве вспыхнул в его памяти, и в глазах Шэнь Цинжаня потемнело.

Да пошел ты со своим талантом к фермерству!

Ваши системы что, вообще людей не выбирают?! А?!

<http://bllate.org/book/17933/1951183>